Генри Мор

ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ ДУШИ

Прибавление как аппендикс к сей третьей части Песни Души*

Τίς δ' οἶδεν εἰ τὸ ζῆν μέν ἐστι κατθανεῖν,
τὸ κατθανεῖν δὲ ζῆν.

Еврипид[1]

Аргумент:

О Душах, что живут предсущно
О сфере огненно-воздушной,

---

* Поэтический перевод с англ. языка *Н. В. Носова*. Перевод выполнен по изданиям: *More H*. ΨΥΧΩΔΙΑ PLATONICA: or a Platonicall Song of the Soul. Cambridge: Printed by Roger Daniel, Printer to the University, 1642 // Philosophicall Poems, by Henry More: Master of Arts, and Fellow of Christs Colledge in Cambridge, 1647; The Complete Poems of Dr. Henry More (1614–1687) for the first time collected and edited by the Rev. Alexander B. Grosart… St. Georges, Blackburn, Lancashire: printed for private Circulation, 1878.

Перевод и уточнение греч. и лат. цитат *О. Ю. Бахваловой*, примечания, комментарий и научная редакция текста *А. В. Цыба*.

При финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках исследовательского проекта «Оригенизм Кембриджской школы», № 23-28-00753.

Носов Николай Владимирович — выпускник философского факультета СПбГУ, независимый исследователь.

[1] «Кто знает, возможно, жизнь есть смерть, а смерть — жизнь», цитата не идентифицируется по известным текстам Еврипида. См.: «фраза эта восходит к утраченной трагедии, возможно, к «Полииду» или к «Фриксу», и обычно приводится в таком виде: τίς δ' οἶδεν εἰ τὸ ζῆν μέν ἐστι κατθανεῖν, τὸ κατθανεῖν δὲ ζῆν κάτω νομίζεται; Fragm. 639 Nauck; cf. fragm. 830 Nauck», *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., «Языки русской культуры», 1996.

О Духах, магии послушных —
Расскажет Песня вам нескучно.

1

Сын *Аристона*[2], моей Музе помоги
Освободить поток, что разум напитал
Достойным замыслом, учением благим —
Что каждый Прочитавший почитал.
И ты, Мудрец *Ликейский*[3], кто познал
Небесный свет, огонь небес благой!
Дай твоего тепла, что душу согревал,
Чтоб смог и я зажечь огонь такой
В умах других, открыв им мир иной.

2

О Предсуществованьи буду петь
Душ человека, что живут за разом раз,
И память быстрая должна успеть
Вложить прошедшее с начала снова в нас.
Но пуст мой ум, мой не умеет глаз
В глубинах этих ясно усмотреть
Материй темноту[4]. Но Ты, кто выше нас!

---

[2] «Aristo's son» — Платон (428–347 гг. до н. э.), сын Аристона, основатель Академии. — *далее прим. и комм. А. В. Цыба.*

[3] «Lycian Sage» — видимо, Аристотель (384–322 гг. до н. э.), основатель Ликея. Глава IX, кн. 12-й «Метафизики», главного философского труда Аристотеля, отведена изложению т. н. теологии ума, в которой заявлен бог-перводвижитель, управляющий универсумом посредством интеллектуальной деятельности.

[4] Отсутствие воспоминаний о прошедших состояниях, т. е. жизни души вне тела между воплощениями — один из серьезных аргументов против учения о предсуществовании, который Мор неоднократно обсуждает в трактате «Бессмертие Души» (БД. II. 12–13). Здесь Мор противопоставляет данному аргументу пифагорейский «анамнесис», т. е. упражнение в припоминании прошлых жизней, а также платоновское объяснение потери памяти ударом душ о твердую поверхность земли при падении, когда душа вновь возвращается в земную юдоль (Phaedr. 250a).

К душе *Плотина*[5] можешь ты воззвать
И смертным рассказать, кем прежде были мы.

3

Божественности искра[6] или луч[7],
Сгустившись в облаках, стал в глину[8] облекать
Ту каплю Вечности[9], что пала с горних круч,

---

[5] Мор обращается к Платону, Аристотелю, Плотину (204–270 гг. н. э.) как главным вдохновителям поэмы о предсуществовании душ. По Плотину, «Человек не есть нечто простое, но одно в нем есть душа, другое — наличное тело» (Enn. IV. 8. 1), душа не телесна, но она — «входящий в материю логос», творящий тела и происходящий от Души [мира] (Enn. IV. 8. 2).

[6] «Spark of the Divinity» — «божественная искра» — метафора, подчеркивающая сущностную самостоятельность душ, которые, следуя какой-то собственной логике поведения, ошибочной, отпадают от создателя, или своего единовечного источника, и стремятся к соединению с материей. Т. е. они, как искры от большого огня, отлетают и кружатся, постепенно теряя свою собственную частицу огня, и, попадая в символическую глину (т. е. материю), «yclad in clay» — укутанные, завернутые в глину, порождают в ней жизнь.

[7] «Ray of the Divinity» — указывает на то, что душа все же сохраняет божественную сущность, располагаясь как бы в луче источника света, одновременно оставаясь его неразрываемой частью. В трактате «Бессмертие души» Мор определит одно из свойств нетелесной субстанции — «неделимость», или «неразрывность» (indisserpability), которая позволяет сохранять связь вещей в мире. И как на это обращает внимание А. Джейкоб (EINAI, Том 11, № 1 (21) 2022. С. 125), речь не о такой неделимости, какой представляется математическая точка, но [такой,] какую мы постигаем в Сфере света, возникающей из одной яркой точки или Центра излучения, т. к. эта Сфера, или световой Круг («Orb of light»), хотя она в некотором смысле все же протяженна, в действительности она неделима, если предположить, что Центр таков, что нет возможности вообразить, чтобы изъять или отделить любой луч этого Круга и отставить его в сторону, разъединенным от Центра» (*More H*. Appendix to Antidote... X. 9 https://en.wikisource.org/wiki/An_Antidote_Against_Atheism/Appendix/Chapter_X).

[8] Глина, земля — древнейший символ человеческой телесности («пыль земная» в Быт. 2:7) как бездушного материала для воплощения. Во многих средиземноморских антропогониях боги создают человека из глины, соединяя ее с частицей божества.

[9] Здесь Мор употребляет метафору «… drop sunk from Æternitie / Spilt on the ground, or rather slunk away…», что можно перевести, например, как «капля, утерянная вечностью, пролилась на землю, или, точнее, соскользнула» с утратой причастности к вечности. И это объясняет временную потерю воспоминаний об этой высшей причастности души, когда она попадает в земное тело.

И по земле, размножив, расселять.
И мы вдруг начинаем понимать
Как самость[10] из себя выходит вдруг.
И может тем свободнее играть,
Чем больше вспомнила из прошлого подруг,
Себя узнавши в них, играющих вокруг[11].

4

Но лишь предвидя то, что рядом Бог,
Та самость вспоминает много «я»,
Лишенная благих дорог,
Псюхэ, *Эон* ей не узнать пока[12].

[10] «Of our own selves something» — «нечто в нас самих» — та самая частица божественности, о которой идет речь в предыдущем комментарии, находясь в человеке, начинает проявлять себя в какой-то момент, припоминая.

[11] Буквально: «Ибо мы пали тогда, когда впервые начали пытаться // Украдкой быть чем-то сами по себе // Удаляя себя от нашей сильной опоры // И это мы безрассудно вообразили новой свободой // И вследствие этой выходки мы себя посчитали радостно свободным существом».

[12] Индивидуальная душа (Soul) отрывается от Мировой души (Psyche) и от Вечности (Aeon) — («We did conceive our parted selves to be, / And loosened, first from that simple Good, / Then from great Aeon, then from Psyche free…»). В поэтической космологии Мора Ахад, Псюхэ и Эон — три начала мира (См.: EINAI, №2 (20), 2021. С. 148). В раннем периоде творчества Мор придерживался платоновской теории Мировой души (Tim. 41d), согласно которой бог-демиург создает партикулярные души путем деления остатков мировой души, но впоследствии Мор отказался от нее, поскольку она оказалась востребованной нововременными «аверроистами» и Б. Спинозой, которые полагали, что партикулярные души после смерти тела возвращаются в мировую душу и растворяются в ней. Это учение противоречило оригенистической теории всеобщего восстановления в эфирных сферических телах (De Princip. II. 3. 7), к которой Мор пришел в зрелом периоде своего творчества. Мировая душа была заменена на концепт «Духа природы», который и обеспечивал в космологии Мора ту самую всеобщую симпатическую связь вещей, которую он в предыдущей строфе выразил метафорой «божественного луча». На эти особенности психологии и пневматологии обращает внимание Г. В. Лейбниц в «Размышлении относительно учения о едином всеобщем духе» (*Leibniz G. W.* Considerations sur la doctrine d'un Esprit Universel Unique, Die philosophischen Schriften, éd. Karl Immanuel Gerhardt, Band 6, Weidmanshe Buchhandlung, Berlin, 1885. P. 529–538).

Живет фантазьями[13], чья жизнь еще низка.
К телесным чувствам лишь они ведут,
Те чувства не разумнее куста
(В земле рожденные, они в земле растут)
В тени живущие — лишь к смерти приведут[14].

5

Мы как слепые, ищем ныне Центр[15],
И сущностью[16] хотим былою стать.
В земном погрязши, мы лишились мер[17],
Чтоб то, кем были раньше прозревать.
Бывает, что приходится отдать

[13] О роли фантазии и воображения в философии Генри Мора см.: *Vermeir K.* Imagination between Physick and Philosophy: On the Central Role of the Imagination in the Work of Henry More (1614–1687). Intellectual History Review, Taylor & Francis (Routledge), 2008, 18. P. 119–137, https://doi.org/10.1080/17496970701819418 .

[14] Сенсорное, чувственное восприятие при всей его естественности, по Мору, является неотъемлемой частью животной, телесной жизни организмов и не имеет отношения к разумной интеллектуальной деятельности. Более того, мешает ей.

[15] В трактате «Бессмертие души» Г. Мор будет развивать эту идею об «Общем Сенсориуме», к которому стекается вся разумная деятельность души. Определение этой единой точки целостного мышления составляло одну из весьма обсуждаемых проблем психологии и физиологии этого времени. Мор полагал, что такой центр сознания физиологически расположен в одном из «желудочков» мозга (БД. II. 8. 13).

[16] «Proper substance» — человеческие души, или изначально чистые сущности; здесь еще одна прямая референция к неоплатоническому пониманию космического статуса души.

[17] «Thus groping after our own Centers near / And proper substance, we grew dark, contract, / Swallowed up of earthly life, ne what we were / Of old, through ignorance can we detect» — «Идя на ощупь в поиске наших собственных Центров и чистой сущности мы померкли, сжались, глотнув земной жизни, и мы не можем распознать по своей невежественности то, чем мы были встарь». По Мору, духовные субстанции (Бог, ангелы, демоны и души) как и материальная субстанция в целом обладают протяженностью, но их отличительным свойством, помимо способности к «самодвижимости», «самопроницаемости», являются «само-сжатие» и само-расширение (БД. I. 7. 2 // EINAI, № 2 (18) 2020. С. 53). Это один из главных пунктов расхождения Мора с Декартом в их переписке. Для Мора он принципиален, поскольку благодаря этому свойству духовные сущности (души демонов и людей) обретают тела, принимая соответствующую форму.

Ребенка, что родился у царя, —
В семейство бедное; и он не знает мать,
Отца родного он не ищет зря,
Жизнь в нищете и горестях коря.

6

Как неродные, мы живем не там,
Где родились. Кто нам отец и мать
Не ведаем, и кто роднее нам —
Не смеем разумом незрелым мы познать.
Происхожденье низкое узнать
Мы не хотим, исток начал в нас тех,
Где *Рея* в колыбели нас качать
Не уставала под Сатиров смех,
Где согревал нас *Пана* теплый мех[18].

7

Но *Пан* и *Рея* не родили нас,
Всевидящий *Юпитер* — вот исток.
Пускай мы вниз низвергнуты сейчас
(Виной тому — ошибка[19] или рок[20]).

---

[18] Аллегория, отсылающая к греческим мифологическим образам. Рея — материнское божество титанического (до-олимпийского) происхождения, мать Зевса, спасающая его от омофагии Кроноса в пещере г. Дикты на о. Крит. Здесь Мор свободно обходится с мифологией, поскольку окружение Зевса составляли корибанты, демоны вулканического происхождения. Сатиры — козлоногие демоны животного плодородия, входили в сопровождение Диониса с момента его обращения в козленка. Пан — лесной демон, также воспитатель Диониса, родоначальник виноделия.

[19] «Our own miscarriage» — речь идет об ошибке, которую совершают души при отпадении от Бога, влекомые притяжением к телесности. В своем космологическом рассуждении в письме к Энн Конвей от 1 февраля 1651/2 Мор скажет, что материальный мир привлекателен для душ уже тем, что бог задумал материю не только как повод для испытания, но и как предмет удовольствия, «Enjoyment of Souls» (См.: EINAI, №2 (20), 2021. С. 10–14).

[20] «Secret force of fate» — рок, или закон необходимости, еще одна не случайная метафора, но концептуальный образ, о котором Мор в дальнейшем будет говорить в письме к Э. Конвей как о «*fatal Period*», космическом цикле движения некоторых

Но все исправится, придет еще тот срок,
Когда едиными мы снова сможем стать[21].
Тогда вернет Создатель свой залог —
Порой ребенка оттолкнет и мать,
Чтоб смог он то, что истинно, понять.

8

Ведь Равенство и должного Закон
Ждут, чтобы мы ввели их в дом,
А до тех пор еще стоит заслон
Меж нами и великим Божеством.
Мы — мост меж богом и природой; в том[22]
Сумеем ли свободно воспринять
Все лучшее — залог, что Бог потом
Поможет нам все зло души изгнать
И в вечной радости свободно проживать.

9

И ради этого наш выбор обрамлен
Вселенной всей, природным естеством,
В них замысел великий заключен,
И мудрость Бога спрятана во всем.

душ к соединению с телами и в обратном направлении: «*роковой Цикл (fatal Period)*, а не *добровольное Отпадение*, привел их в Тело» (*Ward R*. Some Account of Dr. More's Works. The Life of Henry More / In.: Hutton S., Courtney C., Courtney M., Crocker R., Hall A. R. eds., International Archives of the History of Ideas / Archives Internationales d'Histoire des Idees. Vol. 167, Springer, Dordrecht, 2002. P. 171; https://doi.org/10.1007/978-94-011-4223-6_3), суть этого цикла состоит в том, что «помимо Механизма восхождения душ в человеческую плоть, есть также Правила нисхождения, если вы посмотрите на остальную часть этого земного Творения» (*Ward R*. Ibid. P. 172).

[21] Мор намекает на оригенистический апокатастасис, всеобщее восстановление в эфирных телах.

[22] «And therefore sets us twixt the Deitie / And the created world» — ренессансная антропоцентрическая идея того, что человек является посредником между природой и богом.

Есть Высота и ад глубокий — в нем
Бичуют души за грехи и зло[23].
И грешники очищены огнем,
В их душах стало зло золой,
Отрекшись от неправды в них былой.

10

Во всем Его начала воспарят,
Разлиты равно и в пространствах, и в мирах[24] —
Их души справедливые узрят
И мудрость, и добро — во всех вещах.
О, божии светильники[25] — в глазах
Тех, кто очищен, те огни горят

[23] «By *Nemesis* deep-biting whips well urged» — Немезида, богиня возмездия, нещадно бичует грешников плетью.

[24] «Stretching out himself in all degrees», простирающий, протягивающий себя во всех степенях, — отсылка Г. Мора к его идее протяженности духовных субстанций, по поводу которой он впоследствии вступит в полемику с Декартом.

[25] «Holy lamps of God», или «Candle of the Lord», «Bright Lamp of God». Об этом свидетельствует Р. Крокер, что «в своих трудах Мор и его последователи пришли к дискурсивной переоценке более спекулятивной платонической теологии Оригена. В части этики это привело их к тому, что они в целом акцентировали традиционную доктрину «синтерезиса» — врожденной привычки совести узнавать добро и зло и интерпретировать его радикально как естественное проявление человеческого разума. Их старший современник Роберт Бертон (1577–1640) в своей «Анатомии меланхолии» (1621, I II 10: 42) определил «синтерезис» таким образом: «чистейшая часть совести, которая является врожденной привычкой и означает сохранение знания закона Бога и Природы, чтобы различать добро и зло». Эти «непреложные принципы», которые эта «привычка узнавать» обнаруживала в разуме, признавались «рациональными» или интеллигибельными плодами разума, и которые Бог имплантировал для того, чтобы направлять верующих к их спасению, — Кембриджские платоники часто упоминали как «свечу Господню» («candle of the Lord»). Таким образом выражалось присутствие этого знания в душе (ссылка на: *Rust G.* «A discourse of the use of reason in matters…» (1683, 40–1); библейская референция к Рим. 2:14–15: «закон запечатлен у них в сердцах»)» (*Crocker R.* Henry More, 1614–1687. A Biography of the Cambridge Platonist // Archives Internationales d'Histoire des Idees / International Archives of the History of Ideas, № 185, Dordrecht: Springer Science+Business Media, 2003. P. 82).

И освещают скрытый путь в умах.
Их отсветов прекрасен светлый ряд,
Но слишком близко души их не зрят.

11

Ведь души — лишь земные Сферы[26], им
Дано вращаться вкруг небесного огня[27],
Но душам никогда не слиться с ним,

[26] «Vital Orbs» — и в более поздней трактовке формы души, Мор будет придерживаться того, что душа имеет округлую форму, когда попадает в эфирный или воздушный носитель. Кроме того, она может принимать любую форму по своему желанию, когда является живым людям в виде призраков. Шар наиболее оптимален для тончайшей субстанции души. Покидая тела, души как бы испаряются, и какое-то время могут неприкаянно пребывать около своих тел. Здесь Мор опирается на учение Оригена либо на идеи, приписываемые тому традицией обвинения. В письме императора Юстиниана против Оригена в материалах V Вселенского собора Ориген был обвинен в «достойном осмеяния учении» о том, что «после воскресения из мертвых… тела людей… восстанут шарообразными» (Деяния Вселенских соборов… Т. 5. Казань: Центральная типография. С. 278), а также в пятом пункте «10 постановлений против Оригена» (Деяния… С. 289). Правда, существует мнение, что у самого Оригена эта идея о сферических или шарообразных телах отсутствует. В п. 6 обвинения предано анафеме признание того, что небо и солнце, и луна, и звезды, и воды, что над небом, суть некие одушевленные (ἔμψυχοι/ animatae) и наделенные разумом (λογικαί/ materiales) силы (Деяния… С. 289). В трактате «О началах» Ориген говорит о сферическом устройстве «небесных мест», сквозь которые будут всходить души праведников (De Princip. II. 11. 6–7), и о «воздушном месте» где-то на земле, где эти будут приуготовляться к восхождению, т. е. о «школе душ». Самую высокую, неподвижную сферу (ἀπλανής) поддерживает одна мировая душа, как бы обнимая ее со всех сторон (Contra Cels. I. 23). Солнце, луна и звезды располагаются в своих сферах, (De Princip. II. 3. 6). По Платону, человеческое сознание устроено по образцу Мировой души, совершающей круговращение в небе (Tim. 47b), поэтому боги, чтобы уподобить человека космосу, «включили оба божественных круговращения (бег тождественного и бег иного) в сферовидное тело, которое мы именуем головой», снабдив его «вездеходной колесницей», собственно телом (Tim. 44d, перев. С. С. Аверинцева). По Плотину, «сферическое в нас [т. е. душа] потеряло легкость вращения, став земляным», но при этом «в нас есть дух, движущийся вокруг души… круговращением вокруг собственного центра» (*Plot.* Enn. II. 2. 2, пер. Т. Г. Сидаша).

[27] «Starry fire» — небесный, звездный, очень яркий огонь.

Они как мухи на исходе дня, —
Желая жалить и вокруг звеня,
Не смеют сесть, всосать желанный пот.
Так души, жизнь земную изменя,
Воскреснув вновь, покажут людям тот
Мир Сфер[28], что раньше им светил с высот.

12

Ведь в каждой из еще живущих Сфер,
Мильонам сущностей приходит свой черед,
Чтобы в обличии иных воздушных тел[29]
Ввысь устремиться в радостный полет,
Когда ведет их ввысь сей ясный свет —
Пусть покрывали их земные кровь и пот,
Но там, куда летят, там грязи нет.
Ведь, как Египта древний жрец поет —
Вся жизнь рождается из грязных *Нильских* вод.

13

И третья колесница пронеслась[30],
Рассекши выводок *Псюхэ* земной.

---

[28] Позднее Мор будет употреблять выражением «Мир жизни» — идеальный мир, который уже самостоятельно входит в контакт с материей. Ср.: «Бог не сотворил ничего смертного, что только бессмертные существа суть Его творения, а уж от этих (происходят) и тленные существа. И душа есть создание Божие; природа же тела, напротив, иная» (*Origen.* Contra Cels. IV, 52).

[29] «Airy bodies» — согласно Мору, человеческие души, отрываясь от умирающих тел, нуждаются в новом носителе. Таким для них становится воздушный носитель (Air Vehicle), души ангелов и гениев обладают эфирным носителем.

[30] Согласно известному платоновскому мифу из «Федра», в определенный космический цикл боги и души людей, покинувшие тела, совершают восхождение в занебесную область для созерцания чистой истины. Первым на крылатой колеснице едет Зевс, за ним — остальные боги, и третий эшелон колесниц — души людей. У этих «голова возничего поднимается в занебесную область и несется в круговом движении по небесному своду, но ей не дают покоя кони, и она с трудом созерцает бытие» (Phaedr. 246–248).

Сперва их света мощь наверх несла,
Где *Уранор*[31] в карете огневой
Заботу мира прятала рукой, —
Исполненная разумом и смыслом.
Но *Трисмегист*[32], чей разум неземной,
Он, ангелам подобный, формы, числа
Земным созданьям передаст чрез мысли.

14

Здесь мудреца *Тианского* мы чтим,
Того, чей ум преодолел земной предел,
Кто, разумом своим неутомим,
Убийство в *Риме* цезаря узрел,
Живя в Эфесе[33]. В тайны он прозрел —
Сложил о Сфере он прекрасный стих —
Она с лучами света, что острее стрел.

---

[31] Об Уранор (Uranore) см.: «EINAI: Философия. Религия. Культура», Том 11, № 1 (21), 2022. С. 77, 94.

[32] «Mighty Mercury» — «Могущественный Меркурий». Мор неоднократно ссылается на «Герметический корпус». Здесь Гермес-Меркурий выступает частью неоплатонического пантеона Г. Мора, отвечает за интеллектуальное разделение вещей мерой и числом.

[33] «Famous Tyanean swain» — видимо, Аполлоний Тианский — литературный персонаж философского романа Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского». Философ, мистик, чудотворец, толкователь знамений и предсказатель, он прозревает удар молнии в Нерона (*Philostr*. Vita Apoll. IV. 43); предсказывает неудачный триумвират Гальбы, Вителлия и Отона (V, XIII), предсказывает убийство в Риме императора Домициана, находясь в Эфесе (VIII. 25–26). В традиции платонизма учил о том, что «мы заключены в темнице на весь срок, именуемый жизнью, ибо сама душа наша опутана узами бренного тела» (*Philostr*. Vita Apoll. VII. 26). Кроме того, Аполлоний воскрешает умерших (IV. 45), учит о переселении душ (III. 22) в различные человеческие тела и о переселении душ в тела животных (история льва-вегетарианца, V. 41). А. Ф. Лосев полагал, что Аполлоний являлся реальной исторической фигурой и относил его к неопифагорейцам на основании его «учения переселении и странствовании душ» и соблюдении им обрядности пифагорейцев (*Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: АСТ, 2000, с. 82). Дж. Диллон в своей кн. «Средние платоники» не упоминает Аполлония среди неопифагорейцев. Неопифагорейским следует считать, скорее, сам роман Флавия Филострата.

Лишь разум может видеть светлых сих,
А призрак смерти не тревожит их[34].

15

Но дальше двинемся — туда, где сей эфир[35]
Проник весь мир, где ум достичь сумел
Всего и вся, где страх не портит мир,
Где вовсе нет земных и грубых тел,
Что злобой пачкают, там нет их подлых дел.
Та Сфера беспристрастна, нет в ней чувств[36].
Земной же экипаж[37], хоть и взлетел,
Несет в себе различий разных груз,
Умом организован, но не пуст.

16

Суть колесницы — быть гробницей душ[38],
Но душ, способных к истине восстать.
Освободившись от телесных туш,
Свободно будут жить, парить, летать.

---

[34] Буквально строфа звучит так: «Здесь знаменитый Тианский мудрец // Вознесенный над мертвой чарующей силой, // Может ясно различить из косной оболочки // Из семихолмного Рима быстрым острым взглядом // Что сделано в Египте, как сообщают Истории, // Так [действует] тот самый живой, быстрый, бодрый Шар (Orb) // Весь — уши, весь — глаза, с яркими лучами, сияющими вокруг, // Сфера чистого смысла, которую ни страдания (perpessions) не ограничивают, // Ни призраки, имеющие неопределенную форму, никогда не смогут смутить».

[35] Мор употребляет здесь выражение «light Vehicle of air» — «легкий воздушный носитель» души.

[36] «This Orb is ever passive in sensation» — «эта сфера независима от ощущений».

[37] «Terrene Vehicle», земной носитель души, человеческое тело. «The terrene Vehicle, beside this passion / Hath organized sense, distinct by limitation» — «Земной носитель помимо этой страсти / Организован разумом, но четко ограничен».

[38] Буквально: «the souls live sepulchres». По Платону, к которому восходит эта метафора, тело — «могила души» (Gorg. 493a, перев. С. П. Маркиша, см. также подробный комментарий о пифагорейском происхождении метафоры в академическом отечественном издании (Платон. Собрание сочинений в 4 тт./ Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993) и «темница» души (Phaedr. 83, перев. А. Н. Егунова).

Коль *Адрастея*[39] им не сможет помешать,
И связь с земным не сделала рабом
Пещеры грязной[40], и не могут задержать
Земные мысли, чувства, что с трудом
Позволят ввысь взлететь, хоть и с умом.

17

Так, пробужденные в возвышенную жизнь
Счастливым случаем, открывшим к небу путь,
Иные души все же смотрят вниз —
Вид смертных тел им навевает грусть,
Печалятся они, желают — пусть
Хоть тень останется в земных домах.
И вот такая призрачная суть —
Порою ввергнет смертных в сильный страх,
Замедлив путь свой в светлый мир в верхах[41].

18

Лунатики, что бродят в сладком сне,
Лишь свет фантазии им освещает путь.
Так души те, не зрят еще вовне,
Им прошлый опыт затемняет суть.
Желаний тьма волнует, но не грудь,
Ведь тело в смерти, призрак лишь пустой
Ведет ее куда и как-нибудь.
Душа по памяти своей земной
Бредет одна в пустыне нежилой.

---

[39] Греческая богиня судьбы, «Неотвратимая», управляет движением душ по небесному своду (Phaedr. 248c).

[40] «In this Cave below» — также платоновская метафора земной жизни как нахождения в пещере теней (Resp. VII 514a–517b).

[41] Мор полагает, что очень часто души, отделившись от умерших тел, склонны еще некоторое время пребывать в близком пространстве. Далее он приводит примеры таких призрачных проявлений.

19

Подобный формой тем земным телам,
Знаком воображенью Призрак сей.
И души чувствуют себя живыми там,
Где суть была одета в ткань теней.
Фантазия[42], телесный облик в ней
Хранит и внутреннее зрение стремит
Подобьем бывшим к прошлому скорей,
Как судно с парусом, где лик порой набит.
Но человека призрак тот страшит[43].

[42] «Phansy» — воображение, фантазия — не символ и не метафора в учении Генри Мора о душе, но концепт, призванный объяснить один из способов взаимодействия души и тела, взаимодействия субстанций духовной и материальной. Фантазия здесь — телесно-духовная способность, привязывающая душу к телу, входящая во взаимодействие с Мировым духом для заимствования форм тела. «Особенная сила Фантазии включается в действие при формировании и изменении Материи» (БД. III. 6. 6), как, например, «фантазия матери захватывает *Дух природы* в поддержку» ее желания оказать влияние на формирование плода во время беременности. Поскольку именно «Дух природы» как «единственный Агент, причастен к формированию всего разнообразия» существ в мире (БД. III. 6. 7). Второй момент: фантазия еще при жизни человека может переносить душу в желаемое место и возвращать обратно (БД. II. 15. 12), при этом важно иметь в виду, что когда люди встречают призраки своих отдаленно находящихся или умерших знакомых, то эти призраки являются не результатом воображения живых, «не фантазией наблюдателя…, а [вызваны] Воображением Духа, который приводит в действие свой собственный Носитель», уплотняя воздух до очертаний призраков (БД. II. 16. 3). Также, душа, применяя волю и фантазию, обладает силой изменять внешнее очертание своего Воздушного Носителя, при отделении от тела, т. е. придавать ему любую желаемую форму (III. 1. 10–11, Аксиома 34), поэтому, говорит Мор, «суждение Плотина [о том], что Душа Мира вмешивается и проникает во все рождения вещей… (*Plot*. Enn. V. I. 2, пер. Т. Г. Сидаша), не является ни иррациональным, ни непостижимым» (III. 6. 9) Но Плотин полагает «неестественной фантазией», скорее, свойство наблюдателя как мышление того, что мышлением не является (материи), в котором «которой положены вместе и что-то неистинное, и иное ему — разумное», объясняя такое сочетание известным платоновским концептом «незаконнорожденного умозаключения» (*Plot*. Enn. II. 4. 10, пер. Т. Г. Сидаша), правдоподобного мифа.

[43] Буквально: «Тот облик, в котором они ходят, очень похож на тот, // Который они носили на земле // Ибо та легкая воздушная [сделанная из воздуха] сфера, //

20

Ты, может, спросишь, что ж хотят они?
Даруют тайный клад или вредят?
Ведь лишь в умах бесплотные огни
Иль тени их суть тайную хранят.
Возникнут — и исчезнут, если взгляд
У смертного сумел его узреть.
Но души редкие то посещенье длят.
Все понимая, страх преодолеть
Умеют в людях, должных умереть.

21

Поведают, что неизбежна смерть,
Иначе душу тело умертвит,
Что чувства и стремленья тел — не суть,
А пенный шар, что с миром нижним слит.
Но душу только смерть освободит
От легковесных чувственных оков.
И в мир иной свободный взор стремит —
Где снят с сих призраков таинственный покров,
И умный разговор вестись готов[44].

В которой они действуют, должна когда-нибудь [навсегда] // Вернуться обратно к причудливым образам (fancies). // Так что когда души являются перед самими собой, живыми, как они были однажды, // одетыми таким образом и в столь знакомом месте, // То обращенные внутрь [духовные] глаза призрака (fancy) направляются туда, // На их скользящий носитель (their gliding vehicle), который обладает внешностью того, // Кто жил, так что люди могут прочитать, что это была за сущность.

[44] Буквально: «Или страх того, что подобно совершенной гибели // Той инертной мертвости, которая захватит наши души, // Которую не оживят ни чувство, ни источники фантазий (fancies), // Но вечно наступает косная бездеятельная свобода. // Ибо хотя эта смерть освобождает наши души // От этого четкого организованного разума (distinguish'd organizate sense), // Все же мы можем слышать и видеть, что и где захотим, // И гулять свободно, когда мы уйдем отсюда // И как с людьми, так и с призраками поддерживать дружеское общение».

22

Пока ж летим в эфире тонком мы,
Покинув землю эту навсегда,
Покинув связи с нею — духи тьмы
Уже нас не коснутся никогда.
Та колесница света и огня
Стремит наверх свет и огонь души.
Так мало тех, кто понял бы меня!
О, Муза, не оставь меня в тиши,
И помоги стихи мои сложить.

(*Продолжение в следующем номере*)